

И Вышеслав не только сохраняет жизнь Любочесту, но тотчас назначает их свадьбу.

Действие трагедии по-прежнему остается в исходном положении. Поступки главных героев противоречат здравому смыслу; но с точки зрения тех дидактических целей, которые преследовал Сумароков, они единственно логичны. И результаты назидательных поступков героев начинают сказываться. В предпоследнем явлении IV действия прощенный Вышеславом Любочест испытывает муки раскаяния:

Противный всей земле, противный небесам,
Противный зданию, пустыням и лесам,
Противный воздуху, которым ныне дышу,
Я гласы совести ежеминутно слышу.³²

Этим словно подготавливается развязка трагедии.

В последнем действии Вышеслав благословляет идущих в храм Зениду и Любочеста, а сам хочет убить себя. Но Любочест вырывает у него меч и уступает Вышеславу Зениду. Верность долгу достойно вознаграждена, и, мало того, исправлен злодей Любочест. Вся идея трагедии заключена в словах Зениды из 2 явления IV действия:

Что может тот монарх, на троне, повелеть,
Кто, в страсти, сам себя не может одолеть:
И льзя ли взыскивать, чтоб люди были правы?
Когда пренебрежет он сам свои уставы?³³

Идея та же, что и во всех других трагедиях Сумарокова, но подобного воплощения ее еще не встречалось ранее. Алогичность и умозрительность поступков героев достигает здесь крайнего выражения. Согласно концепции Сумарокова, именно такими должны быть идеальный монарх и идеальный подданный.

С точки зрения достижения Сумароковым предельного решения своих задач трагедия «Вышеслав» — закономерный итог эволюции его драматургического творчества. Черты идеального монарха имелись уже в образе Олега («Семира»), а в образах Ильмени («Синав и Трувор») и Артистоны («Артистона») уже определялись черты будущей Зениды. Но в «Вышеславе» основная идея трагедии получает свое кристально ясное выражение, и зритель уже не может никак быть отвлечен внешними перипетиями происходящего на сцене.

Важно также отметить, что для содержания последних трагедий Сумарокова характерны углубление политической остроты, усиливающаяся конкретность дидактической направленности.

³² А. Сумароков. Вышеслав. СПб., 1768, стр. 51.

³³ Там же, стр. 46.